

В издательстве «Молодая гвардия» только что вышла книга произведений Валентина Распутина, куда вошла и его новая повесть «Прощание с Матёрой». Прежде всего я попросила писателя поделиться мыслями, которые им владеют, когда он работает над этим произведением.

— Мы живем в век больших скоростей, огромных социальных преобразований. И человек должен понимать общезначимый смысл научно-технического прогресса, должен понимать современную ситуацию в мире, где так велико влияние науки, — сказал В. Распутин. — Сейчас, как никогда, встает вопрос о моральном праве ученого на открытие. Как никогда, встает вопрос о нравственной стороне деятельности каждого из нас. И очень важно при этом, чтобы понятие нравственности не подменили мы — сохранив слово — другим, более удобным и малонапряженным. В связи с дальнейшим развитием научно-технической революции гуманистическая, нравственная проблематика литературы приобретает главенствующую роль.

Предмет литературы — человек. Человек, и только человек, и не что иное. Человек в его отношении к жизни, в совокупности его душевного богатства и поучительной судьбы. Читатель учится у книг не жизни, а чувствам. Литература, на мой взгляд, — это прежде всего воспитание чувств. И прежде всего доброты, чистоты, благородства. Внутреннего, исполненного душой долга перед своей Родиной и своим народом. Если литература иной раз с успехом берется

и ряд серьезных критических замечаний. Было интересно узнать, как писатель к ним относится. В. Распутин так ответил на этот вопрос:

— Я еще не совсем «отошел» от «Матёры», и мне трудно о ней говорить. Со стороны, очевидно, виднее. Статья интересная, и во многом я с ней согласен. Но не кажется ли вам, что в той части, где рассматривается соотношение духовного мира старухи Дарьи и ее внука Андрея, критик излишне категоричен, то есть нарушает принцип подхода к произведению как художественному целому?

Я не мог не написать «Матёру», как сыновья, какие бы они ни были, не могут не про-

рабочее настроение, могу писать где угодно.

— Читаете ли вы во время работы над новой вещью какие-либо не относящиеся к ней, к данной работе, книги? И если читаете, то какие? И вообще, бывает ли для вас чтение отдыхом?

— Читаю то, что на время отвлекло бы от мыслей о работе, чтобы с утра появилось ощущение некоторой ее новизны и желания ее. Но это не отдых. Нет, чтение — это тоже работа, работа и мыслей, и чувств. Всего того, что называется душевной и умственной организацией человека, которую в определенном смысле можно сравнить с рекой, принимающей в себя но-

взяли — облик, характер ли — в реальной жизни?

— За Анной стоит моя бабушка, теперь уже покойная. Я писал ее язык, во многом ее понимание и восприятие жизни и смерти. Поэтому мне довольно легко было писать старуху Анну. Существовала, что называется, натура. У Настёны, как, впрочем, и у Дарьи, какого-либо определенного прототипа нет. Ее прототип — представление о русской женщине, какой она была и какую хочется знать не только по воспоминаниям, — женщине доброй, преданной, самоотверженной и готовой к самопожертвованию. О женщине, которая по своему пониманию жизни не может сказать: ты виноват, а я нет — в которой это сознание вины за другого, как своей собственной, существует постоянно.

— Какие черты характера вы более всего цените в людях?

— Доброту, несуетность, совесть и чувство виновной вины и ответственности за все, что происходит в мире. Многие наши пороки оттого и происходят, что мы лишены этого чувства вины. Жить — не только счастье и радость быть в жизни со всем тем, что есть жизнь, но и постоянное ощущение того, что ты живешь хуже и слабее, чем мог бы, и что кто-то на твоём месте сумел бы прожить полезней.

— Когда по прошествии времени вы перечитываете написанное вами, все ли вас самого устраивает?

— Нет, конечно. Но не сразу, не вдруг приходит осознание собственных огрехов. Теперь, по прошествии определенного времени, едва ли я стал бы писать в «Живи и помни» те картины «озверения» Гуськова, когда он воет волком или когда убивает теленка — слишком близко, на поверхности по отношению к дезертиру это лежит и опрощает, огрубляет характер. И язык, язык тоже не всегда устраивает, кажется, что мог бы написать лучше. Это обычные сомнения, они есть, очевидно, у каждого пишущего.

Вспоминаю, что об этом же он говорил и несколько лет назад. Просила тогда Распутина высказаться в дискуссии о языке художественной литературы. Писатель отказался сделать это, объяснив:

— Чтобы судить о языке, которым пишут другие, надо быть уверенным, что и сам обращаешься с этим языком правильно и полезно. У меня такой уверенности нет. Мне кажется, большая беда нынешней литературы, ее языка в том, что мы пишем порой очень приблизительно, неточно, а значит, берем для этого слова и составляем из хороших слов фразы легкие, пластмассово-синтетические, которые хоть куда подойдут, которые и в воде не тонут, и в огне не горят...

— В «Прощании с Матёрой», по-моему, повторяются где-то образная структура, язык «Последнего срока»...

— И я пошел на это сознательно, зная, что подобных упреков мне не миновать, но такого «повторения» требовал сам материал.

— Последний вопрос, Валентин Григорьевич. В чем вы видите свою главную задачу как писателя?

— Отвечу словами Льва Толстого, сказавшего: «Художник только потому и художник, что он видит предметы не так, как он хочет их видеть, а так, как они есть».

БЕСЕДЫ ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

Валентин РАСПУТИН:

НЕ МОГ НЕ ПРОСТИТЬСЯ С МАТЁРОЙ

ститься со своей умирающей матерью. Эта повесть в определенном смысле для меня рубеж в писательской работе. На Матёру уже вернуться нельзя — остров затопило. Очевидно, придется вместе с жителями деревни, которые мне дороги, перебираться в новый поселок и посмотреть, что станет с ними там.

...В тот день Распутин рассказывал о своем последнем детстве, вспоминал годы университетской жизни, работу в газете, то, как писались первые рассказы. Со времени их опубликования прошло более десяти лет. Попробовал: Валентин Григорьевич, хотя вы постоянно подчеркиваете, что все еще учитесь писать, видимо, вы приобрели уже привычку работать так, а не иначе. Существует собственная, присущая вам одному манера отбора и систематизации материала. Есть, наверное, у вас какие-то приемы, облегчающие подготовительный этап работы. Расскажите, пожалуйста, об этой, невидимой нам, читателям, стороне писательского труда.

— Учиться писать, как и всякий писатель, наверное, буду всегда, — ответил он. — А как пишу? Наверное, у каждого своя «техника». Пишу не ручкой, а карандашом. Никаких предварительных заготовок у меня, как правило, нет. Даже никакого плана не составляю заранее. Единственно, что делаю, приступая к работе, — завожу словарик для каждого действующего лица. Стараюсь просто разделить язык героев, чтобы слова не повторялись. Пишу главами, причем иногда не представляю, что будет в следующей, как не знаю во всех деталях завтрашнего дня. Вначале считаю удачей, если за день получится страничка. На заключительном этапе сижу за столом с утра до вечера. Тогда выходит по пять-шесть страниц.

— Где вы предпочитаете жить, когда работаете над новой книгой, — дома, в деревне или, быть может, в домах творчества?

— В начале работы нужно полными днями быть одному. В конце, когда появляется

вый приток. После хорошей книги читатель — уже не прежний человек, а человек иной, более богатой наполненности...

— В этой связи, Валентин Григорьевич, хочу спросить, как к вам приходит образ, как возникает внутреннее ощущение, что это «то самое»?

— Собственно, с образа, а вернее, с характера, который хотелось бы показать, и начинается повесть, самое первое ее движение. Так было и с «Последним сроком», так было и с «Живи и помни». Тут, пожалуй, не проблемы выбирали героев, а старуха, Настёна, помещенные в определенные обстоятельства для наиболее полного раскрытия их характеров, составляют естественные для их жизни проблемы. Хочется подчеркнуть: естественные, вытекающие по некоему природному руслу из философии и жизненного опыта героев, из той обстановки, из тех обстоятельств, в которых они действуют. И как бы ни хотелось иной раз автору, пользуясь героями как передаточным звеном, высказать свои мысли, которые представляются ему важными и которые, быть может, и есть важные, но если их не говорят сами герои, читатель этих мыслей не заметит, проблемы не возникнет, вопроса не встанет — то есть ничего, кроме авторского произвола по отношению к своим героям, не выйдет.

Это очень важно, чтобы автор не чувствовал себя выше своих героев и не ставил себя умнее и опытнее их. Только доверие к ним и равноправие во время работы самым чудесным образом вызывает и ответные возможности героев быть не кукольными фигурками, которые двигаются и говорят при помощи всяческих проволочных приспособлений, а живыми людьми, которым читатель поверит от начала и до конца.

— Кто стоит за Анной, Настёной, Дарьей? Какими были эти люди, чьи черточки вы

урная
ама

подменять журналистику, то литературу в ее службе ничто подменить не в состоянии. Нет другой такой силы и нет другого такого искусства, которые могли бы с успехом выполнить службу литературы. Она пускаться самое радикальное, но наиболее убедительное средство против душевной глухоты и немoty. При том, конечно, обязательном условии, что это истинная литература, а не конъюнктурная поделка.

Писатель, сдающий рукопись в издательство, и издатель, выпускающий ее в свет, должны представлять себе, какую они берут на себя ответственность перед тысячами и миллионами читателей, а значит, и в целом перед государством — ответственность в коммунистическом воспитании народа.

Все последние годы так называемая «деревенская проза» больше всего занималась нравственным здоровьем человека — и человека настоящего, и человека будущего. Надеюсь, что и моя повесть посвящена этому. Нет сейчас проблемы важнее, чем высокое, достойное времени, нравственное утверждение человека, и в этом смысле внукам есть что перенять от дедов.

В четвертом номере «ЛГ» была напечатана рецензия, автор которой Е. Сидоров, анализировал повесть «Прощание с Матёрой», указав